

ЕКАТЕРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ШУРЫ-МУРЫ

на
Галинском

Екатерина Рождественская

Шуры-муры на Калининском

«Питер»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

Рождественская Е. Р.

Шуры-муры на Калининском / Е. Р. Рождественская — «Питер», 2021

ISBN 978-5-4461-1994-3

Когда выяснилось, что бабушка Лида снова влюбилась, на этот раз в молодого и талантливого фотокорреспондента «Известий», ни родные, ни ее подруги даже не удивились. Не в первый раз! А уж о том, что Лидкины чувства окажутся взаимными, и говорить нечего, когда это у нее было иначе? С этого события, последствия которого никто не мог предсказать, и начинается новая книга Екатерины Рождественской, в которой причудливо переплелись амурные страсти и Каннский фестиваль, советский дефицит и еврейский вопрос, разбитные спекулянтки и страшное преступление. А еще в героях книги без труда узнаются звезды советской эстрады того времени и, конечно же, красавица Москва, в самом конце 1960-х годов получившая новое украшение — Калининский проспект. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

ISBN 978-5-4461-1994-3

© Рождественская Е. Р., 2021
© Питер, 2021

Содержание

Сначала про Лидку	6
Начало Калининского	9
Лидкины подружки	13
Соседи по дому	15
Клопы за деньги	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Рождественская

Шуры-муры на Калининском

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Екатерина Рождественская, 2022

Сначала про Лидку

Лидка сошла с ума. Павочка это явно видела, не зря ведь считалась ее лучшей подругой. За тридцать восемь лет, с того самого дня, как в 1928 году Лидка поступила танцовщицей в Московский театр оперетты, уж было время выучить ее от корки до корки, как букварь или таблицу умножения. Срок, да еще какой!

В общем, бабушка Лида снова влюбилась. Павочка отдавала себе отчет, что ей бы не поздоровилось, назови она так опрометчиво свою подругу на людях – бабушка. Домашние, да и друзья тоже, звали ее легкомысленно – Лидкой, не Лидой, Лидочкой или того важнее – Лидией Яковлевной, а именно Лидкой. Лидка свои свежие чувства не афишировала, совсем нет и даже наоборот, но у подруги-то глаз был уже давно наметан на исходящие от нее все эти магические сигналы, флюиды и феромоны. Тем более Пава только что прочитала в последнем номере журнала «Наука и жизнь», как бабочки выплескивают в эфир феромоны – запах не запах, а именно какое-то волшебное излучение, на которое и слетаются мужские особи. А от Лидки эти феромоны не то что шли, они перли. Тем более что Пава в свое время очень серьезно занялась астрологией и понимала, что излишняя Лидкина влюбчивость – именно он, знак Стрельца, самый влюбчивый и непредсказуемый. Лидка целиком и полностью это подтверждала, часто начиная свои многочисленные романы с безумств и необъяснимых поступков, вечно куда-то спешила, но всегда была при этом легкой и обворожительной. И Павочка с первого ее романного дня мгновенно раскусывала подружье состояние, стоило той как-то по-особому томно опустить глаза, вздохнуть глубже обычного, улыбнуться чуть мечтательней или задуматься, просто посмотрев в окно, – вывод был всегда один: Лидка снова влюбилась.

Про Лидкин возраст, а было ей уже слегка за шестьдесят, вообще никто не говорил, эта тема была давно опущена и отпущена. Лидка была без возраста. Когда пошли ее нескончаемые любви (сразу после развода, ухода из труппы и начала вольного выпаса), то есть сразу после сорока, мать ее, Полина, все пыталась хоть как-то образумить дочь, мол, не девочка давно, не беснуйся уже, хватит, это ж позорище и чистой воды непотребство, какой пример дочке подаешь – ну, всякое такое, что, по ее мнению, могло бы Лидку приструнить. Доводы эти не возымели никакого действия. Вот и хорошо, отвечала она матери, лучше безобразие, чем однообразие, в каждом возрасте свои открытия, и что ты против этого можешь возразить? Все эти глупости я теперь делаю осознанно и с большим удовольствием. Причем и глупостей-то, между нами, больших не было, все в рамках приличия до неприличия, никакого распутства, просто и вечный гон, покой нам только снится.

Ну это когда было-то? Когда эти споры шли? Сколько лет с тех пор прошло? Уж и Поли давно нет, и Лидка дочку свою, Алену, замуж выдала, и не за кого-нибудь, а за самого что ни на есть Роберта Крещенского, советского поэта, который еще в молодости, с института, стал известным, а теперь талант его расцвел в полную мощь. Уже и двух внучек Лидке народили, Катю с Лиской, а той хоть бы что! Влюбляется, хоть ты тресни! Но Пава, Алена, а теперь уже и старшая внучка Катерина стали воспринимать эту Лидкину аномалию совершенно иначе, совсем не так, как когда-то трепетная и совестливая баба Поля, – просто радовались и, может, даже в глубине души завидовали этой ее вечной молодости и постоянной восхищенности жизнью. Да и остальные подруги безропотно и вполне серьезно, как врожденную болезнь, приняли это Лидино отклонение от нормы, что им оставалось делать? Они понимали, что никуда не денешься, сколько ни увещивай, натура у Лиды такая, требующая любви.

Нет, даже не думайте, что в своей кокетливой сумочке Лидка на всякий случай носила кружевную шелковую ночнушку, фату и паспорт, зачем? Замуж она уже не хотела, все это было давно и в прошлом, она просто жаждала любви. Пусть даже не всегда физической любви, а вечного состояния влюбленности, когда в каждом звуке слышится страстный шепот, в каждом

дуновении ветерка – нежное прикосновение, а в каждом взгляде – призрачный намек. В этом не чувствовалось никакой похоти или пошлости, совсем нет, просто Лидке от природы досталось столько женственности, что ей самой тяжело было с ней иногда справляться, хоть она и очень старалась держать себя в рамках. Плюс вдобавок к этой эссенции из чувственности и манкости – молодая и светлая душа. И всё, ей незачем было вставать на шпильки или спать в бигудях, как ее подругам и все той же Павочке, чтобы быть готовой к новому дню, – все мужчины и так были ее! Но нет, она все равно наостряла ресницы тушью, долго мусоля щеточку, рисовала бровь черным полумесяцем, налепляла на губки свою любимую красную помаду, надевала кокетливое летящее платьице с юбкой-солнцем и шла украшать собою мир. Хотя со временем от туши отказалась, потому что всегда, стоило ей начать смеяться, хохотала до слез, заливая лицо черными потоками.

А знали бы вы, какой богатой на отношения оказалась Лидина биография! Павочка являлась свидетелем каждого романа, ее звали на смотрины, она давала оценки и консультировала, была, так сказать, взглядом со стороны. Хотя консультант из нее был еще тот. С одним-то мужем на всю жизнь, какие уж тут консультации... И то, который в результате ушел.

Лидка отличалась тем, что никогда любовные отношения не доводила до трагедий и драм – все в ее жизни, и в любви тоже, определялось самым легким из жанров – опереттой! Ведь именно там, на сцене Московского театра оперетты, она протанцевала все двадцать лет и, исполнив почти все заметные танцевальные роли, поняла одну простую вещь – у каждой твоей личной истории, уж если это от тебя зависит, обязан быть счастливый конец, это же не роль, где все слова расписаны. Из этого и исходила. Чтобы не портить жизнь ни себе, ни людям. С женатыми в связь не вступала, а если узнавала об этом не сразу, то прерывала отношения в ту же секунду и бесповоротно, не желала, чтобы из-за нее распалась чья-то семья. Она хорошо помнила, как страдала ее Аллуся, когда ее отец их бросил. Ведь время не лечит, оно учит, и нет смысла болеть человеком, который тобой даже не простужен. Ушла. Забыла. Всё. А Павочка ко времени Лидинога развода уже вышла замуж за своего скромного Модеста.

Павочка не могла припомнить ни единого случая, чтобы Лидка ссорилась с кем-то из своих бывших, ведь она, бедняга, всегда свято верила, что даже давно ушедшее счастье счастьем остается. Пава этого категорически не понимала или просто не хотела понимать, упрячилась. Лидка была постоянно на плаву, на любовном плаву, и отношения прекращала чаще сама по разным причинам, но в основном объясняя разрыв сугубо эстетическими разногласиями. А после разрыва всегда приземлялась как кошка на лапы. Уходила с загадочной улыбкой, давая мужчине понять, что уносит с собой или в себе что-то очень ей важное и ценное, то, что мог дать только он один. Появлялась она потом только в их снах, по большей части эротических. У бывших возлюбленных после встречи с Лидкой оставалось, как правило, пожизненное волшебное послевкусие и вырастали крылья, даже у тех, кто, как сказал классик, рожден был ползать. Хотя нет, с некоторыми она все еще продолжала дружить, несмотря на то что страстная нота была давно погашена, а житейские или высокохудожественные интересы продолжали держать их рядом. Так она и жила, вбирая в себя новых мужчин, и считала роман удачным, если подробности о нем стыдилась сказать своим подружкам, но поделиться очень хотела. А когда Павочка как-то раз спросила ее, какой из ее мужчин был самый сложный в отношениях, Лидка не задумываясь сказала, что плохих мужчин не бывает, бывает первый, второй, третий и так далее.

Павочка, конечно же, завидовала этой ее легкости и невесомости в общении с мужчинами, редчайшей способности получить, как пчела, нектар с помощью очередного трутня и лететь себе дальше на крыльях любви к следующему распутившемуся цветку и поджидающему на нем пушистому шмелику. Завидовала, видимо, все эти тридцать восемь лет знакомства. Но никогда никому в этом не признавалась, даже себе самой. Вместо любовников заводила котов, которым подчинялась без остатка. Кормила дефицитной треской, вязала раз-

ноцветные кофточки, давала играть с клубком шерсти, а зимой высаживала овес, чтобы у котов этих (последнего звали Масей) были в организме витамины даже зимой.

Алла, Лидкина дочка, и не спрашивала у матери, кому так повезло на этот раз, – была стопроцентно уверена, кому именно. Тому самому фотографу. Недели три назад он пришел к ним в квартиру по заданию редакции газеты «Известия», чтобы сфотографировать в домашнем интерьере известного советского поэта Роберта Крещенского, а заодно и его семью со всеми чадами и домочадцами. Крещенскому выдали квартиру мало того что в новом доме – на новом проспекте, на Калининском! Дом был высотным, по подобию американских небоскребов, но так, конечно, его опасались называть, об этом думали, сравнивая с Америкой только в уме и стараясь мысли эти крамольные упрятать поглубже или вообще отогнать. Но все равно иногда они вырывались на волю.

Начало Калининского

Строительство Калининского проспекта шло долго и вызывало слишком много споров. Вот начальство — уж непонятно, на каком уровне, но, видимо, на очень высоком — решило всеми силами поддержать идею. Выходили передачи по телевидению, в которых важные дяди рассказывали, что новый проспект с небоскребами — уникальный и таких в мире нет, строители и инженеры гордились особо прочными стальными каркасами, которые применялись при возведении этих высотных зданий, архитекторы — удобной и продуманной планировкой жилых квартир, художники — передовым оформлением магазинных площадей, озеленители — новым способом рулонной укладки газона, в общем, кто чем. Но все вместе — Калининским проспектом. Все усилия были направлены на то, чтобы притушить недовольство общественности и всколыхнуть гордость за Советскую страну, за ударников коммунистического труда, которые всегда в первых рядах, за единственно правильный путь — путь к светлом будущему, то есть к коммунизму. И большая статья в «Известиях» также должна была этому способствовать — о том, что известный советский поэт со своей дружной семьей живет в современном доме со всеми удобствами, с мусоропроводами и скоростными лифтами, в красоте, комфорте и уюте, как все у него под рукой — и тебе гастрономы, чтобы дочкам свежую еду покупать, и рестораны, чтоб иностранных гостей водить, и самый большой книжный, чтоб радоваться своим книжкам на длинных полках, а для его супруги — целый Институт красоты, чтоб ухаживать за собой и делать модные начесы у самых опытных мастеров!

Споры и недовольство проспектом Калинина выросли не на пустом месте, в Москве постоянно шло строительство, город рос, ежегодно вылезая за пределы своих границ, и не было этому конца и края. Но одно дело стройки на месте свалок, пустырей или дремучих лесов, как в каком-нибудь Орехово-Борисово или Тропарево с Ясенево. Какие там исторические памятники, насиженные места — эти белые и зеленые пятна на карте Москвы так и просились под застройку! А для Калининского-то проспекта расчистили сам Арбат, и не просто старый Арбат, а самый что ни на есть древний. Обжитой еще с XVI века, уютный, намоленный, под самым боком у Кремля.

Именно это «под боком у Кремля» и сыграло свою злую роль — искали возможности, как поудобней и побыстрей доставлять кремлевских обитателей на правительственные дачи в Горки, Барвиху, Баковку и другие элитные подмосковные места. Ну чтоб напрямую. Чтоб не петлять. Чтоб без светофоров и узеньких арбатских улиц, а стрелой, по широкому проспекту, любуясь на высотные дома и модные современные магазины. И возможность эту нашли — не постеснялись, долго не раздумывали, а просто взяли и пустили под нож весь древний район, уничтожив очаровательные переулочки и старые купеческие домики, да и Собачью площадку в том числе, где еще во времена Ивана Грозного стояли царские псарни, подальше от Кремля, чтобы лай не доносился до священного царского уха. Убрали все подчистую. За пару месяцев собранные со всей Москвы фырчащие машины с шар-бабами у морды разбили с десятков старинных переулков, мусор вывезли и все залили асфальтом... Но кто об этом из начальников сильно горевал? Никто. Потому как считали, что такая магистраль нужна еще и потому, что вела напрямик в будущее, в стратосферу, можно сказать! Ведь это было время, когда осваивался космос, советские люди летали туда-сюда, обживали безвоздушное пространство и в одиночку, и группами, и что там Луна — задумывались даже слетать и на Марс, посадить яблони и заставить их цвести! С урожаем было, конечно, сложнее. Вот и решили великие архитектурные умы построить такую дорогу-символ, ведущую в звездное будущее — от Кремля до самых до окраин.

Писали об этом много, повсюду, с обоснованиями, что, мол, современно, прогрессивно, в ногу со временем, рост, развитие и всякое такое. Но уж очень по живому взрезали, обще-

ственность и возмутилась. Как так вот, взять и чикнуть по живому? Да и Роберт тоже выступил со стихами, которые напечатали в газете:

Прорубают Арбат.
Напрямик.
Через уйму дворов.
Камни
смачно скрипят
на холодных зубах
скреперов.
Пробивают Арбат!
Стонут черные балки стропил.
Стену
сталью дробят,
и над городом кружится пыль.
Пыль.
Кирпичная тьма...
Свет дрожит в одиноком окне...

Как привыкли
дома
к полусну,
к тесноте,
к тишине!
Как привыкли дворы —
романтичные,
будто в кино, —
к голосам детворы,
к пенсионной игре в домино...
Здесь смеются и курят,
рождаются,
любят и пьют...
Но
на собственной шкуре
узнал я
подвальный уют!
Неглубокая
лестница
в наше жилище вела.
Романтичная плесень
над детской кроваткой
цвела...

Прогрызают Арбат!
Обращаются хижины
в прах.
Только МАЗы
храпят
и буксуют

на бывших дворах.
Оседает окалина
и вздымается к тучам опять...

Его, Арбат, действительно прогрызали, и длилось это довольно долго, общественность с годами успела немного успокоиться, хотя всхлипы по поводу уничтожения Собачьей площадки, одного из самых красивых мест купеческой Москвы, время от времени раздавались то тут, то там. Начали строить улицу в будущее в 1962-м, закончили в 1968-м. Тогда-то и сняли привычные всем, подгнившие за эти годы заборы, окружающие стройку, при которых выросло целое поколение москвичей, и глазам наконец открылся уже готовый проспект, который стоял весь новенький, с иголочки – высоченные жилые дома, огромные просторные магазины, асфальт, даже деревья – все было свежим и «еще ни разу не надеванным».

Сама Пава в центре, а тем более на Арбатах этих никогда в жизни не жила, переехав давным-давно из Внуково на проспект Вернадского, и считала этот переезд огромным жизненным достижением, все равно что в тот же самый космос для нее слетать. Но за новостями и слухами по поводу строительства этого модного проспекта исправно следила и в обсуждении новой квартиры Крещенских, конечно же, активно участвовала.

Семье поэта выдали квартиру в одном из новых небоскребов на Калининском проспекте. Это был, в общем-то, обычный высотный дом, один из пяти жилых, но все равно его очень приятно оказалось называть небоскребом, прямо как в Америке. Вы где живете? В небоскребе на Калининском, там, где кафе «Ивушка». Хотя, конечно, странно было поначалу там обитать. Очень уж эти высотки выделялись своей чужеродностью на фоне приземистых домов и домишек с историей, которые стояли вокруг. Не случайно этот проспект прозвали «вставной челюстью» Москвы. Выглядел он слишком уж современно даже для столицы, весь из себя необычный, совсем не по-московски устремленный вверх, с жилыми высотками с одной его стороны и с домами в виде раскрытых книжек, в которых расположились всяческие конторы, – с другой. В городе, наверное, не было ни одного похожего проспекта, особенно по насыщенности магазинами – на любой вкус. Можно было вообще никуда за покупками не ездить, наоборот, вся Москва приезжала сюда, на Калининский. Район по всем статьям был что надо, хотя квартира большими удобствами не отличалась. Она, собственно, состояла из двух двухкомнатных квартир, соединенных между собой. То есть сколько в ней было комнат? Правильно, пять! Вы про одну кухню-то забыли! Там Алена и сделала себе с Робертом спальню, обив ее с ног до головы светло-сиреневым ситчиком в мелкий цветочек. Да и потолок тоже. И дверь. Кроме пола, конечно, на полу ковер в тон. Входишь, как в мягкую шкатулочку, и сразу тянет спать. И неважно, что сверху раздаются кухонные звуки и бряцание посуды, а по трубам журчит вода, спальню это особо не мешало. Даже наоборот, удобно, вода ведь убаюкивает. Да, и еще ко всему прочему в квартире было два санузла, вообще большая редкость! Ну и огромные окна, из которых всегда ужасно дуло или же они добела раскаляли квартиру. В зависимости от сезона.

Комнатки были маленькими, но ничего, не баре, зато каждому члену семьи досталось наконец-то по своей отдельной. Расположение их напоминало купе в поезде – длинный-длинный коридор и личное жилье в десять-пятнадцать-восемнадцать квадратных метров по одну сторону от него. Только потолки ниже, чем в поезде. Но все равно все были счастливы! Особенно Лидка. Она обладала уникальной способностью радоваться всему, что ее окружало, и заражала этой радостью других. И у нее наконец была своя большая комната, отделенная от коридора шкафом из модного ДСП. Комната, которую ни с кем не приходится делить, разве что только с гостями – столы накрывали именно у нее, но и этим она очень гордилась. Всем – и ее размерами, и огромным окном, и первыми в ее жизни объемными встроенными шкафами с антресолями, полочками, вешалками и ящичками, куда теперь могло влезть не только свое,

но при желании и соседское барахло тоже. Кухонька, конечно, была совсем крохотная, метров семь, не больше, но хоть на метр крупнее той, что осталась на Кутузовском.

Лидкины подруги

С первых же дней после переезда Лидка задружились с лифтершами, которые работали парами день через два и только-только начинали, затаив дыхание, с нескрываемым удовольствием вникать в межсоседские, межэтажные и семейные отношения жильцов. Лидка принесла им по пакетику собственноручно слепленных пирожных картошка, неэкономно истекающих коньяком, узнала, как кого зовут, кто за что отвечает, и начало любви было положено. И это она сделала отнюдь не по обязанности, а в силу привычки быть со всеми в хороших отношениях и отношения эти поддерживать не только словом, но и десертом. Ну и сразу же представила свою Павочку, которая как никто понимала важность общения и всячески его подпитывала. Сделала это Лида красиво и с выдумкой – известная, мол, гадалка и ясновидящая, хотя потом в частных разговорах с лифтершами намекнула, что Павочка – настоящая колдунья. Добрая, но вполне способная превратиться в злую, если как следует испортить ей настроение. Так что лучше ей не перечить. Ведьма, короче, настоящая ведьма, вздыхала Лидка. И, главное, не врал: гадать Пава гадала, а что характер иногда был как у ведьмы – чистая правда!

Других своих приятельниц Лида тоже знакомила с лифтершами лично и придумывала каждой что-то эдакое, чтоб выделить из общего серого потока гостей высотки. Все они когда-то давно выступали с Лидой в театре оперетты, кто пел, кто танцевал, но пятерка боевых подруг, костяк, так сказать, всегда оставался неизменным. Раз в неделю они собирались у Лидки на игру в карты, и Лида своей фантазией проложила им безостановочный путь к лифту.

Тяпу, например, она попросила перед первым приходом в квартиру на Калининском, еще до новоселья, надеть одну перчатку на правую руку, и, когда та вошла – а Лида встретила ее внизу, прямо у стола консьержа, – Лида торжественно и тихо, так, словно выдавая государственную тайну, нашептала на ухо любопытной церберши: «Это Энгельсина, та самая, помните, которая девочкой вручила Сталину цветы и которую он взял на руки. Это он именно с ней на той известной всем фотографии. – И Лида подсунула фото вождя с обнимающей его девочкой. – С тех пор она не снимает перчатку, чтобы сохранить воспоминания. Но на самом деле зовут ее Антонина, а имя Энгельсина ей дали только на один день, когда она вручала ему цветы».

И Тяпу запомнили, намертво запомнили, лифтерши даже изображали радость и слегка отрывали зад от стула, когда она входила в подъезд, чем выражали, видимо, трепет перед ушедшим тираном.

Для Надьки Новенькой Лида сочинила другую легенду. Что она, мол, родилась в Оймяконе, самой холодной точке земного шара, и, несмотря на страшные морозы, бегала по утрам даже зимой. В купальнике вокруг дома. Для закалки. Однажды, в особо жестокий мороз, до подъезда не добежала, а замерзла в нелепой позе на тропинке. Хорошо, что ее быстро хватились и долго дома потом оттаивали и отпаивали горячим. Но мизинец на ноге вовремя не согрели, он почернел и отпал. Эта маленькая деталь глубоко засела в памяти пропускающих, Надю никогда не останавливали, а жалели как инвалида и за глаза называли «Оймяконом». Подробностей этих Надька, конечно, не знала.

Про Иветту, Ветку, как звали ее подруги, Лида почти ничего не придумывала. Сказала только, что она из старинной итальянской цирковой династии, что чистая правда, вышла замуж за метателя ножей и достаточно много лет проработала на арене мишенью, ну, знаете, той полуобнаженной девушкой, в которую эти ножи кидают. Однажды муж промахнулся, попал Иветте в руку. Та, не ойкнув, не вздрогнув, не изменившись в лице, словно это было частью номера, с усилием оторвала руку от деревяшки и гордо, с торчащим из предплечья ножом ушла с арены. Мощнейший человек оказался в ее хрупком и нежном теле. На следующий день муж,

явившись в дирекцию перебинтованным и подраненным, написал заявление об уходе, а Иветта подала на развод. Цирковая династия прервалась.

Ее тоже запомнили, но дали кличку, совершенно не связанную с тем случаем, – «доберманша». Уж очень она была похожа на эту породу собак.

Ну и Ольга Сокольская. Лидка специально при представлении откусила от ее фамилии последнюю букву, чтобы превратить ее в польку. Придумывать, кроме этого, ничего и не надо было, потому что Ольгу невозможно было забыть в принципе, она отличалась изысканной красотой, которая с возрастом хоть и подрастворилась в ее зрелости, но все равно осталась достаточно заметной, пусть и белокурые волосы перемешались с седыми, а голубые глаза слегка потеряли яркость. Сокольская все равно была королевой.

Всех их лифтерши узнавали сразу и пускали беспрекословно, не спрашивая, в какую квартиру они держат путь.

Лифтеры были ключевыми фигурами в подъезде, без них какая могла быть жизнь в таких высоченных домах? Это ж двадцать четыре этажа сплошного народа! Соты! Муравейник! Да вдобавок ко всему со всей округи начали стекаться пацаны, которые только и мечтали, чтоб пробраться с кем-то из жильцов в лифт и вдоволь покататься, нигде ж в городе таких домов больше не было! А выйти на двадцать четвертом этаже и порассматривать оттуда всю Москву? А плюнуть сверху и гадать, долетит ли плевок донизу или развеется по дороге? А крикнуть чего-то эдакое прямо отсюда, из облаков, то, чего и взрослым-то ушам стыдно услышать? А спускаться на лифте вниз, останавливаясь на каждом этаже? А нажать стоп-кран, ну, кнопку эту красненькую, и ждать, пока монтеры тебя высвободят, приговаривая: «Ну что, пацанчик, перепугался, бедняга?» То есть повеселиться вовсю!

Вот поначалу и распорядились в ЖЭКе так: одна лифтерша сидит на часах у входа, другая ездит в лифте и нажимает на кнопки. Но быстро от этого отказались, лифтов на такую домину по глупости и недалёковидности поставили только два: пассажирский, махонький, на четверых, и грузовой, чуть побольше, поэтому лифтерша занимала в кабине ценное пространство и вместе с пассажирами просто не помещалась. Спустя всего лишь месяц после заселения большинства квартир жильцы были пущены на самотек, вернее, на самоподъем, а лифтерши засели внизу со своей вечной болтовней и сплетнями.

Соседи по дому

В подъезде с самого начала организовали группу инициативных жильцов, а таких нашлось с десяток, и на первом этаже, между двумя лифтами, повесили стенгазету, где обсуждали проблемы дома, поздравляли жителей с праздниками и умоляли не портить лифт – всеобщее народное достояние. Главным активистом стал Сократ Маркович, бывший стоматолог, а ныне скучающий без своего зубного кресла, бормашины и гнилых зубов пенсионер. Вот он и бросился в общественную работу, нырнул с головой так, что и пяток видно не было. Отличался ростом, объемом, толстокожестью, значительностью и монолитностью, словно ничего лишнего природе не пришлось отсекаать, оставила все как есть. Шея у него отсутствовала за ненадобностью, голову на плечах держали щеки, а редкие седые усы торчали как нескошен- ный овес. Павочка, увидев его тогда впервые около лифта, решила, что он очень похож на моржа, не хватает только бивней и ласт. Она как раз недавно с упоением смотрела передачу «В мире животных», которую вел обаятельный Александр Згуриди. Он с восторгом вещал о ластиногах: как они живут, чем питаются, как ищут себе пару, очень, знаете ли, поучительно. И тело у них такое... как это он красиво определил, веретенообразное, и матка, видите ли, какая-то особая, двурога. Но Павочка это так вспомнила, не к месту, матка была тут совершенно ни при чем. А Сократ таки да, вылитый морж, именно морж, не морской лев или какой- нибудь тюлень, а только морж – Павочка даже кивнула, окончательно соглашаясь с собой. Она довольно открыто и даже нагло его рассматривала, словно это был взгляд ученого-биолога, а не простой советской гражданки, ожидающей лифта.

Его крупные, можно даже сказать, выдающиеся передние резцы чуть вылезали из-под верхней губы, и Павочке теперь почему-то захотелось сравнить его с огромным кроликом, но нет, к кролику прилагались уши, у Сократа же ушей почти не наблюдалось. То есть уши, конечно же, кое-как виднелись, но были сильно прижаты к голове и почти не выступали.

«Морж, определенно морж, – приняла Пава окончательное решение, встряхнув голо- вой, – двух мнений быть не может». Странно, но ей показалось это важным. Ей вообще очень нравилось переносить многие знания, которые она получала в телевизоре и в журнале «Наука и жизнь», в свои будни, так ей было не скучно.

Путь наверх им предстоял недолгий – ему на пятнадцатый, Павлине на седьмой, к Кре- щенским. Сократ прошел вперед и медленно развернулся, стараясь не задеть своими мощными габаритами панель с кнопками. Павочка взошла, оказавшись лицом к лицу с эксстоматологом, и уперлась взглядом ему в переносицу. Он чуть зарделся и пошатнулся – с этой гражданкой по размеру они были одного поля ягоды. Она же почувствовала себя ведущей в этом тандеме и отворачиваться не пожелала. Сократу стало неловко, он начал стыдливо шарить по карманам в поисках ключей от квартиры, лифт ему был узок, стенки мешали, гражданка пялилась. Но до седьмого домчались быстро, гражданка беспрепятственно выпятилась.

Сократ потянулся, обрадовавшись освободившемуся пространству. Он всегда и везде занимал много места, но никакого внимания на это не обращал, ибо давно растерял стороннее восприятие себя. Жена Агнесса была тоже с внушительными достоинствами, да и всей общей картиной под стать мужу, который обращался к ней очень трогательно «ангел мой», нежно так произносил, словно слово это состояло из одних мягоньких знаков. Два этих великана родили дочь, которую назвали просто и совсем не звучно – Надюха, хотя могли бы проявить большую фантазию в выборе имени – от Сократов с Агнессами Нади не должны рождаться. Но все-таки получилась Надюха. Соединившись, оба «ангела» вложили все свое могущество в эту крошку, которая родилась уже пятикилограммовой, о чем неоднократно и с нескрывае- мой гордостью родители до сих пор всем и рассказывали, хотя, по Павочкиным подсчетам, с того счастливого момента прошло лет сорок пять уж точно. Но Надюха все еще продолжала

жить с родителями. Мужа под свои телеса ей пока так и не удалось найти. Надюха была настоящей бой-бабой, Павочка ее сторонилась, хоть внешне они были чем-то похожи. Надюхи везде было очень много, она постоянно находилась вне своей квартиры, тяжело вздыхая и неуклюже передвигаясь по общественным территориям – то около подъезда в ожидании кого-то, то с лифтершами в разговорах, то с соседями в обсуждениях, то в лифте поднималась наверх, то зачем-то сразу спускалась обратно в фойе. Но вот именно с ней-то, в отличие от ее папы, Пава как раз и не любила ездить в лифте. Если папа был вежлив, молчалив и галантен, то Надюха – нагла и бесцеремонна. Стоило Павочке увидеть, что Надюха ждет лифт, она сразу замедляла ход и намеренно зацеплялась языком с кем-то из лифтеров или, старательно шурясь, начинала изучать доску объявлений. Павочка с ее высокоразвитым чувством прекрасного и достаточно острым обонянием в этом крошечном замкнутом пространстве без вытяжки от Надюхи сильно страдала. Так-то сама Надежда была неплохой, но вот в лифте... Она никогда не церемонилась, а просто вдавливала Павочку в стенку могучим животом, да еще с такой силой, что явственно можно было почувствовать, как мощно и в то же время жалобно бурчат ее кишки. Несколько раз она победно и напористо рыгнула ей прямо в лицо чесночно-селедочными парами, потому как считала, что все, что естественно, то небезобразно. Ну и разок пустила шептуна, словно решив одарить им именно Паву, умышленно дождавшись момента, когда они останутся в лифте наедине, или просто ей приспичило снять давление с прямой кишки. Неважно, результат был один. Павочка почувствовала справедливое возмущение, переходящее в бессильную ярость, и с усилием подавила подступающую тошноту. А Надюха, не обращая внимания на посторонние страдания, выкатилась на седьмом этаже и басом снисходительно разрешила Павочке: «Ну идите пока». Потом снова медленно загрузилась в кабину, даже не поморщившись. Конечно, свое не пахло. В общем, Павочка Надюху опасалась. И даже не столько ее обширности, хоть она была эдаким женским вариантом Ильи Муромца, а того, какие неожиданные запахи она могла произвести.

Клопы за деньги

Когда через пару месяцев после вселения ажиотаж немного спал и бытовая жизнь более или менее наладилась, Роберту из Союза писателей передали просьбу отдела культуры ЦК о фотосъемке для газеты «Известия» с большим интервью поэта. О том, что придет фотокорреспондент, предупредили заранее, за целый месяц, чтобы хватило времени подготовиться, расставить все по местам, навести, так сказать, красоту.

– Интересно, а где мы мебель возьмем? – вроде как сам себя спросил Роберт, зная, что им в новой квартире толком-то и спать пока не на чем. С прошлого места жительства перевезли совсем немного предметов, столы, лавки, этажерки были в основном там встроены, делали все на заказ. – Я точно не узнавал, но даже если мы сегодня поедем в мебельный, то ждать придется чуть ли не полгода, пока гарнитур или что-то там еще придет, надо же записываться. А тут съемка уже через месяц.

– Давай тогда купим антикварную, – чуть подумав, предложила Алла, – это сейчас самый писк, все как с ума посходили! А? Что скажешь? Ты не против?

– Да пожалуйста, Алenuшка, главное, чтоб на ней можно было еще и сидеть, и желательно удобно, а чтоб не только для красоты. У меня ж сидячая работа, – спокойно ответил Роберт, улыбнувшись.

– Раюша недавно купила гарнитур из карельской березы, хвасталась, красоты, говорит, неопикуемой, весь светится! У Фельдманов тоже похожий, весь выгнутый стоит, но из красного дерева, ампира, говорят, купили в Ленинграде, привезли, отреставрировали. Я уже так поспрашивала немного. Вроде все вполне довольны. Фельдманы вообще поменяли всю мебель, только один рояль из старых вещей и остался!

Большинство знакомых все чаще и чаще заговаривали об обустройстве, переезде, ампирах и псише, больших кухнях и отдельных туалетах, время какое-то другое наступило, посвободней, что ли. Еще лет десять назад было это все неважно, жили как жилось, по накатанной. То ли возможностей тогда еще не накопилось, то ли мода на старинную красоту вдруг требовательно настала, то ли возраст для перемен подоспел. Алле и в голову никогда еще не приходило заниматься таким несвойственным ей делом, как украшательство быта, обстановка квартиры, всем этим совсем не интересовалась, ну не лежала у нее душа, и все тут. Лида – да, та это дело любила, занавесочки, коврики, всякое такое, опять же мебель поперевдвигать – одно удовольствие. Дочку свою, Алену, помочь в этом никогда не просила, вот желание и не привила. Занималась девочка литературой, любила ее, знала, хотя и случился зигзаг – сходила на пару лет в балетную школу Большого театра, именно сходила. Вскоре поняла, что совершенно не хочет стоять всю танцевальную жизнь или у балетного станка, или за кулисами и ждать, когда будет дан сигнал красиво, дождавшись нужной музыки, засеменить на сцену вместе с остальными балеринками из кордебалета. В перерывах между репетициями читала запоем. А начитанная балерина – нонсенс. Поэтому бросила балет в одночасье и решила пойти в Литинститут, по стопам своего отца, который был известным журналистом и литературным критиком, другом Максима Горького. Вот и учили ее в институте навыкам совершенно другим: много читать, анализировать прочитанное, писать рецензии, высказывать свое мнение. А мама, Лида то есть, занималась домом и всем остальным, дочку в эти дела не вмешивала. И Алена привыкла, что помощь в обустройстве всегда приходила извне.

В прошлый раз в этом помог их ближайший друг, архитектор Владимир Ревзин, который со вкусом и комфортом устроил Крещенским жилье на Кутузовском, сам спроектировал мебель, которая встроилась как влитая, словно квартирka так и была задумана. Приобрели по большому благу только пару модных кресел и журнальный столик, а так почти по всем стенкам

наделали закрытых и открытых шкафов из фанеры, ярко и нестандартно их покрасили, бросили пару полосатых паласов – и интерьер получился высший класс, хоть на обложку журнала. На Калининском же все было изначально готово и отремонтировано, так сдали дом, оставалось только расставить мебель. Но где ее взять? Вот Алла и решила ехать не в мебельный, а в комиссионный. Или обратиться к кому из знакомых, многие теперь продавали свое тяжеловесное наследство или знали, где его купить. В общем, срочно надо было заняться мебельным вопросом, хотя срочно не получилось. Но мебель привезли.

У ворот переделкинской дачи раздался нервный гудок, словно грузовик уже ждал давным-давно. И сразу гуднул еще раз, хрипло и натужно.

– Как будто я у калитки должна стоять и дежурить! Или у меня крылья есть, чтобы мгновенно прилететь? Что за люди пошли нетерпеливые! Выйди из машины, подыши дачным воздухом, полюбуйся на природу, пока ждешь, что откроют, – ворчала Лида, торопясь к воротам.

Ворота, как назло, сразу не поддались, щеколда разбухла от дождя и заела.

– Ну сейчас, сейчас, видите, я пришла уже! Прекратите наконец бибикать! Что за спешка, ей-богу! – Лидка суежилась у ворот, раскачивая створки, чтобы они наконец распахнулись. Водитель заткнулся, увидев, что ворота ходят ходуном. Но нет, заходили, но не поддались. Лидка открыла калитку и позвала мужика внутрь:

– Пойдите помогите лучше, застряло.

Мужичок спрыгнул с подножки и, похрустывая коленками и остервенело вороша лысину, охотно вошел в калитку. Щеколда действительно разбухла, воротину перекосило, и ее пришлось немного приподнять, чтобы открыть. И вот наконец грузовичок въехал на участок. Водитель скрипнул тормозами, выскочил, откинул задний борт и принялся разгружать «дрова». Прибежал, насколько позволяла скорость, и Севка, Лидин друг еще с юности, который всю свою молодую жизнь проносил ее на руках по сцене – они ж служили в балете, – а потом, когда жизнь повернулась к нему боком, решил бросить Москву и уехать в деревню. Вот Лидка свою «деревню» и предложила. А что, жить на воздухе, благо есть сторожка, работать на участке в свое удовольствие, еще и зарплату к пенсии получать – поди плохо? Севка долго артачился, не любил связываться со своими, но Лидка победила. Она всегда побеждала.

Подшли и Алена с Робертом помочь с разгрузкой. Катька осталась рядом с коляской – сестра могла проснуться с минуты на минуту.

Разгружали недолго, расставляя «дрова» на площадке. С водителем рассчитались и закрыли за ним ворота.

Мебель из старинного красного дерева – гарнитур, как называла его Алена, – благородно и тускло поблескивала на солнце. Кресла с просиженными сиденьями пузатились, выгибая свои ручки, стулья – а их было не меньше десяти – немного отличались друг от друга резьбой декора и хоть были все от одной мамы, но явно от разных пап. Часть сидений была сложена отдельно стопкой на траве, а солидные остовы, стоящие в ряд, хоть и вытачивались из красного дерева, но выглядели как толчки в общественном туалете, зияя пустотой. Два массивных дивана: один махонький, на две худые задницы, другой обширный, на поспать вытянувшись, – соревновались в игре рисунка, то есть пламени красного дерева на спинках. По пламени можно было судить об их характерах. На первом, камерном диванчике и рисунок пламени был робким и незрелым, немного мутным и очень скромным, с несколькими белесыми пятнами и потертостями, но цвета вполне достойного и приятного глазу. Другой же, громадный и основательный, хвастался чудесной блестящей спинкой, старающейся анатомически повторить все изгибы человеческого позвоночника. Пламя на нем горело словно у извергающегося вулкана, и смотреть на эту красоту можно было бесконечно. Лидка села на диван и провела рукой по гладкой спинке.

– Куда ж ты эту рухлядь поставишь, Аллусь? В новую квартиру? Вы специально так долго ее добивались, чтобы сделать из нее мебельный комиссионный?

– Рухлядь? Мам, неужели ты не видишь, какая это красота? Это же настоящая редкость! И в современной квартире будет прекрасно смотреться! Сейчас это модно! Севочка, ну скажи!

– Ой, ты мне не рассказывай! – Лидка и шанса не дала открыть Севке рот, знала, что он-то точно будет на Аллусиной стороне. – Редкость! Это редкости, которых сейчас на любой свалке куры не клюют! Сегодня от старья все избавляются, а ты, наоборот, вместо того, чтоб взять бесплатно, еще и деньги заплатила, и небось немалые! Снова у этой артистки купила? Она хочет современно и модно жить, вот тебе и втюхала эти обломки империи! А сама небось торшеры, раскладные столики да «Хельги» дома поставит на твои деньги и станет наслаждаться удобством и комфортом, вот где красота! – Лидка продолжала гладить поверхность спинки, словно извиняясь за сказанное.

– При чем тут «Хельга»? За этой стенкой надо год в очереди стоять! А это, ты только посмотри, история, ампир! Это же начало XIX века, первая четверть!

– Ну хорошо, первая четверть! А ты представляешь, сколько жоп с той четверти на этих стульях пересидело! Ты не брезгуешь? Тебе не стыдно перед людьми будет? Оно ж всё небось скрипит и шатается! Мы ж в очереди на стенку стоим! Как, ты себе представляешь, они вместе будут смотреться? А в этой старине ничего подобного для хранения не предусмотрено! А где посуду держать? Хрусталь? В стенке как красиво все, все эти застекленные отделения, как на витрине или даже в музее, ходи и любуйся!

Роберт уже давно отошел, и они с Катей залезли в кусты малины, чтобы добирать ее остатки, соревнуясь с черным спаниелем Бонькой, который крутился под ногами и объедал ягоды с нижних веток. Лезть в женские споры делом было неблагородным и неблагодарным, поэтому решено было переждать эту жаркую дискуссию под предлогом присмотра за ребенком.

Алена гордо и величественно обходила свое новое хозяйство, ласково трогая запылившуюся лаковую поверхность стульев. Кроме кресел, стульев и диванов, в гарнитур – на самом деле никакой это был не гарнитур, а так, сборная солянка из старого красного дерева – входило два круглых стола, огромное зеркало с пола до потолка, целое, без единого скола, и шкафчик для стекла или посуды – горка, как с ходу назвала его знающая Лидка. Столы были не просто столы, а «сороконожки». Из-под них действительно торчало немереное количество ног, сразу и не сосчитать. Когда полукруглые столешницы разъезжались на две части, из-под каждой половинки появлялись сороконожки лапки, на которые надо было положить деревянные вставки. И чудо: аккуратненький круглый столик превращался в восьмиметровый столик для целой оравы гостей. Настоящий клад для малогабаритной квартиры! И не надо двери с петель снимать и на козлы класть, когда люди приходят. А так, разделил стол на два полукружья, поставил по стеночкам – и посреди комнаты ничего и не мешает, квадратные метры не сжирает! Только стол и зеркало Лидка – а бабушку теперь все, даже соседи, называли Лидкой – оценила довольно высоко.

– Вот это, я понимаю, стол! Были же мастера! Вот она, инженерная мысль! Я б сейчас же на нем знак качества поставила! Все для удобства хозяйки! Принял гостей, убрал и забыл, и не торчит у тебя стол колом посреди квартиры! Ты ж понимаешь, когда оно «да», я не говорю «нет»! Я тоже в этой жизни что-то да и понимаю! Теперь скажи мне, мать моя, сколько ты отдала за весь этот гарнитур?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.